

Борис ОЩЕПКОВ

ВЕСЕННИЕ ХЛОПОТЫ

Портреты героев в интерьере общего вагона поезда

— Ты откуда будешь? — спросила женщина мужика, с которым после перекуса с самогоном оказалась на одной верхней полке переполненного общего вагона.

— Из Орехово-Зуева.

— Нет, я спрашиваю: ты откуда будешь — спереди или сзади?

Так, по-простому, по-взрослому, возвращались с весеннего сева пригнанные в колхоз расконвоированные и выпущенные из зоны на спецпоселение бывшие зека.

Была ли это любовь?

Да, это была любовь с первого взгляда. Романтическое знакомство и встречи продолжались.

Весной следующего года они отметили четыре близких по времени юбилея: годовщину семейной жизни, один год дочери, тридцатилетие мамы и окончание срока тридцатишестилетнего отца. Вспомнили, что до окончания срока мамы осталось недолго — полгода.

Тамара ЛАРИЧЕВА

УТРО. ЗИМА. ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

Просыпаюсь, открываю глаза. В комнате какая-то непонятная муть. То ли светает, то ли светлая ночь. Соображаю, какой сегодня день. Ах да, воскресенье. Можно лишний час понежиться в постели, подумать о предстоящем дне. Спустя некоторое время, не включая свет, встаю и подхожу к окну. Всё-таки утро. Лениво наступает рассвет. Неясные очертания домов, дворов.

За окном декабрь, его в народе называют воротами зимы, а ещё декабрь год завершает, и он же зиму начинает.

Утро. Мир просыпается. В голову пришла грустная мысль: а все ли проснулись в это утро? Для скольких жизней эта ночь, возможно, была последней и сегодняшнее утро для них не существует!

Но утро есть утро, за ним нарождается день, а вместе с ним нарождаются и новые жизни. И так года, столетия, вечность. Сколько новорождённых с удивлением встретят мир в это утро! Жизнь продолжается.

ВЕЧЕР

Короткие, мглистые зимние деньки. А если город ещё и затянут беспросветным смогом, то в квартире целый день безвременные потёмки.

Сегодня смога нет, и в окна светит слабое, безжизненное солнце. На него можно спокойно смотреть без затемнённых

очков. Повисев низко над горизонтом несколько часов, солнечный мир застенчиво прячется за гребни гор. День сразу померк, и сумрак поселился по углам. Но темнота вечера ещё не властвует безгранично.

Угасание дня всегда действует на меня удручающе. День покорно подчиняется вечеру. Темень поглощает пространство. И только белоснежный покров на улице не поддаётся тьме.

Я одеваюсь и выхожу на улицу. Фонарики, тускло светившие днём, вечером разгораются ярким лучистым светом. Заиндевелые деревья, как бы уснувшие днём, вечером оживают, перемигиваясь светлячками мерцающих огоньков. Дневная серость города сменяется россыпью вечерних огней. На главной городской площади сияет всеми цветами радуги новогодняя ёлка. Играет музыка. С ледяных горок с азартом стремительно съезжают на ледянках взрослые и дети.

Разноцветье уличных гирлянд завораживает.

Особенно празднично наряден город в новогодние вечера.

Вера ВЯЗЬМИНОВА

БЕРЁЗКА

Каждое утро я подхожу к окну и вижу, как напротив стоит стройная, словно девушка, берёзка. Приоткрываю шторы, чтобы впустить первые солнечные лучи нового дня. Жизнь после затишья долгой ночи приходит в движение, через форточку врываются шумы пробегающих машин, я вижу людей, торопливо шагающих по своим делам. И всё же каждое утро мой взгляд останавливается на одиноко стоящей напротив окна берёзке, совсем ещё молодой, гибкой, такой необыкновенно нежной. С чашкой ароматного кофе я стою у окна и люблю её незатейливой красотой. Однажды, незаметно для себя, стала называть её душевно «моя берёзка», она стала мне близка. Я отметила для себя, что в разное время года берёзка выглядит совершенно по-другому и настроение приходит с этим совсем разное.

Осенью она радовала яркой желтизной своего наряда и под налетевшим игривым ветерком пускалась в танец, теряя листву. Это выглядело волшебно-красиво, хотелось вместе с листвой закружиться, выполняя незатейливые движения

танца. Всего несколько недель назад берёзка стояла белоснежная, тихая, словно недотрога, укутанная кружевной шалью зимы. Её белый силуэт чётко прорисовывался на фоне темнеющего синего неба, и это придавало ей особую загадочность. Казалось, вся она состояла из хрусталя, и стоило лишь дотронуться — в мгновение ока могла рассыпаться на множество мелких ледяных кусочков.

«Что снится тебе в это время, милая берёзка? — подумала я.— Может, мечтаешь о лёгком летнем ветерке, шаловливо играющем с твоими ветвями, может — о безукоризненно-зелёном платье, которое так подходит тебе, или же о тёплых ливневых дождях?»

Сейчас же, весной, моя берёзка выглядит довольно скромно, лишь маленькие, едва набухшие почки украшают её ветви, похожие на длинные девичьи волосы.

Внезапно ночью прошёл весенний освежающий дождь, которого так давно ждали. Он принёс живительную силу природе. Утром следующего дня я по привычке посмотрела в окно и залюбовалась берёзкой. Накануне набухшие почки чудеснейшим образом превратились в маленькие клейкие зелёные листочки. Она приосанилась, надела весенний, пока ещё лёгкий, красивый наряд. Теперь это была не скромная, поникшая берёзка, которую я наблюдала из окна совсем недавно, а самая настоящая красавица.

Я улыбнулась наступающему солнечному утру, привносящему такие долгожданные запахи весны, а следовательно, и перемены. Пришла настоящая весна.

Валентина БУТЫЛИНА

КАК Я БЫЛА СНЕГУРКОЙ

Тридцатого декабря прошлого года мне приснился сон, что я — в нашем сосновом бору, в костюме Снегурочки, сама не похожа на себя. У меня белые локоны длинные, яркий макияж: нарумяненные щёки, чёрные брови и ярко-красная губная помада. Облачение Снегурочки мне очень идёт: голубой атласный халат с переливающимися снежинками. По бортам халат оторочен ватой, как в нашем детстве. На голове у меня не шапочка, а корона, как у царевны.

Я — в нашем бору, в том месте, где, идя напрямиком в глубь леса от стадиона, минут через десять попадаешь на большую поляну, окружённую высокими соснами. И сначала я одна, а потом ко мне присоединяется Дед Мороз, коллега. Весь лес, казалось, звучит от музыки. На нас падают редкие большие снежинки. И мы начинаем кружиться под музыку Вивальди «Времена года. Зима».

Раннее утро, в воздухе таятся свежесть нераскрытого дня и прелесть предновогоднего ожидания. Мне нужно поздравить жителей нашего посёлка. И они появляются, кто на лыжах, кто со скандинавскими палками. Среди них я вижу и тех, кого давно хотела увидеть. Я вижу Владимира Вавиловича Кожевникова, основателя музея в посёлке. Он в элегантном сером костюме, в белой рубашке. Седые волосы зачёсаны назад. Под руку с ним его жена, шебечущая Нелли Васильевна. Я так рада, что они встретились после долгой разлуки. А это — о радость! — я вижу наших врачей: Екатерину Трофимовну Коптелову и Нину Ильиничну Инину. Какие они молодые, даже моложе меня!

Прибывают всё новые и новые люди на праздник. Музыка звучит. Я радостно приветствую их и объявляю, что каждый из них сделал для Берёзовки. И Дед Мороз — он же современный — фотографирует их. Мой голос очень громкий. И без микрофона он звучит; голоса людей, их смех, шутки не мешают, а превращают всё в единый праздник. Я вижу своих бывших и настоящих друзей — строителей, педагогов, работников культуры, среди них Татьяну Петровну Фризоргер, заведующую библиотекой, много сделавшую для развития искусства нашего посёлка, Екатерину Георгиевну Иванову, директора школы искусств. И все мы обнимаемся, танцуем друг с другом, делимся новогодними поздравлениями. Для нас поёт Дима Злобин, солист театра музыкальной комедии, доморощенный певец.

Я волшебница, что смогла соединить этих людей хотя бы во сне. И в этой атмосфере нет места грусти, тоске, зависти. И на этой поляне много уже народу. Их уже более тысячи. Они представляют и восьмидесятые годы, и девяностые годы, и настоящее время. Этот калейдоскоп времени мы с Дедом Морозом воссоздаём. Вокруг нас — живые и ушедшие, люди разных поколений.

Много детей, они носятся по поляне. И звучит «Болеро» Равеля, с каждым новым человеком его звуки усиливаются,

марш становится всё торжественнее, люди — всё восторженнее. Сон обрывается. Просыпаюсь в прекрасном настроении. И думаю, что всё-таки в преддверии Нового года случаются чудеса.

Получается, быть мне Снегуркой нашего посёлка навсегда.

РАЗВЕ ЭТО ЖИЗНЬ?

Дядя Паша по прозвищу Скипидар — телефонист нашего посёлка. Никто так быстро не ходит, как наш Скипидар. Издалека видно худую высокую фигуру, которая быстро приближается и не то идёт быстрым шагом, не то бежит. Его ни с кем не спутаешь. Когда мы с отцом на улице встречаем дядю Пашу, я вижу, как рад отец, а дядя на ходу успевает спросить, как дела. Дядя Паша старше отца, но седых волос у него почти нет, и карие глаза такие живые — как у ребёнка.

Представляю, что он и дома за обедом не отдыхает, а быстро ест на ходу и разговаривает с женой, одновременно забивает гвозди, выносит из дома мусор, наводит порядок в ограде. Он был один раз у нас дома, проводил телефон. Его доброе лицо кажется таким худым, словно от него осталась половина. Когда он беседовал с папой, то теребил ёршик своих чёрных волос от нетерпения. Он напоминал машинку, которая всё время заведена на ключик. Мой папа говорит всегда: «Хороший мужик Паша!»

Мне кажется, что дядя Паша и ночью не спит. Ведь прозвище своё он получил потому, что бегаёт как угорелый по посёлку. Когда я читала на каникулах после седьмого класса «Маленького принца» С.-Экзюпери, я сразу вспомнила про нашего Скипидара. В сказке принц познакомился с математиком, который всё время считал, складывал и умножал цифры. Он хотел купить все звёзды на небе. И такому человеку некогда полюбоваться на звёзды, некогда посмотреть на закаты, задуматься, почему барашек может съесть красивый цветок.

Разве это жизнь?

Мне стало жаль дядю Пашу, он всегда торопится. Он только работает, работает, работает. Но дядя Паша мне нравится, потому что он думает о других. Наверное, потому у него такие добрые глаза. Только жалко, что он худой и не бережёт себя. И совсем не смотрит на звёзды.

Иветта ЛИШЕНКО

ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК

Дядя Паша по прозвищу Скипидар был человеком простым, но незаурядным. Для своих пятидесяти шести лет он выглядел очень даже ничего! Среднего роста, жилистый, мускулистый, косая сажень в плечах. Типичные черты славянской наружности на лице, но какая-то потаённая тоска или глубокая тяжесть всегда присутствовала во взгляде его голубых глаз, которые, как две искры, выглядывали из-под проборождённого морщинами массивного лба. Пшеничные волосы и усы дополняли типичный облик сельского труженика сибирской глубинки.

К одежде дядя Паша был беспристрастен, пользовался мало раскрученными брендами восточных соседей. Они приобретались по случаю выезда в районный центр его супруги, Татьяны.

Однако что касалось работы, то дядя Паша хватался за любое дело и пахал, пахал, пахал... Юность в беспросветные девяностые научила жизни. Любое ремесло было ему по силам. Надо кому печку или камин выложить — пожалуйста! Крышу крыть, навоз таскать, септик заменить... Ни от чего не отказывался он. Всё дело у него спорилось, как будто пятки скипидаром были намазаны или какое другое место... За что и получил соответствующее прозвище.

Деньги небольшие, но всегда водились в семье Павла Семёновича и Татьяны Михайловны. Только одна пагубная привычка главы семейства омрачала их жизнь: зелёный змий, в виде соседского самогона, считался закадычным другом Скипидара. Сколько вечеров провели они вместе! Однако поутру, как ни в чём не бывало, дядя Паша шёл на очередной калым.

«Сгоришь, Скипидар, от такой жизни», — не раз говорили ему мужики. «Кукиш вам!» — отшучивался Семёныч, демонстрируя свой ответ на правой руке.

...Эти воспоминания холодной волной нахлынули на Татьяну Михайловну, стоявшую за селом рядом с небольшим насыпным холмом.

— Ну зачем ты ушёл? Всё же на тебе держалось, а теперь мне сердце жжёшь и жжёшь! — попросту сказала она в пустоту.

КАЖДОЕ УТРО...

Каждое утро из своего окна я вижу Её, смущённую красавицу, неспешно входящую в новый день. Только несколько минут есть у меня, чтобы полюбоваться этим шествием. Она неповторима!

Утро наполняется каким-то неуловимым очарованием и шармом. Оттенки огненных одежд этой прохожей тоже различны день ото дня. Бывают то алыми, то коралловыми, а то нежно-розовыми. Струющийся следом шлейф, словно шафраном или охрой, а может быть, ещё каким-нибудь диковинным цветом, фривольно заполняет всё пространство вокруг Неё, чтобы отчётливее подчеркнуть неземную красоту пришелицы.

Особенно весной или тёплым летним днём засмотришься на Неё, и рука невольно тянется к чистому листу бумаги. Душа просит, а подчас требует изобразить красками, карандашом, рисунком, словом великолепие этого свидания, такого недолгого и загадочного.

Со временем я поняла, что Её приход рождает не только новый день, но и Творчество.

Наталья ГАНДРИХ

ДЯДЯ ПАША

Дядя Паша по прозвищу Скипидар стал на самом деле очень важным дядей.

Последние годы перед пенсией работал он директором одного из муниципальных предприятий города N, и обращались к нему все исключительно по имени-отчеству: Павел Геннадьевич.

Возраста он был теперь солидного — между пятьюдесятью пятью и шестьюдесятью годами, но поскольку пенсию отодвинули ещё на пять лет, сидел он и думал: как же ему продержаться на этом зажиточном месте подольше?

Лет пятнадцать назад был он уже достаточно тучным и грузным: при росте сто восемьдесят сантиметров — килограммов эдак сто тридцать — сто сорок, — но вышагивал по коридорам нашего учреждения весьма элегантно. Чистокровный еврей с фамилией под стать своей внешности.

Был он всегда гладко выбрит и одет с иголки; шлейф от дорогого парфюма с эротическим ароматом тянулся по коридору метров на сто, и все проходящие мимо девушки и женщины нашего громадного офиса «сходили с ума».

Коротко стриженные тёмно-каштановые волосы, голова круглая, как мячик, пухлое лицо без единой морщинки, полные и чувственные губы, глаза, которые невозможно прочитать, добрый и располагающий взгляд.

В начале двухтысячных годов был он коммерческим директором, а попросту — снабженцем, на нашем муниципальном предприятии. Вот тут-то и всплывало наружу всё его внутреннее существо. Начальники цехов вечно перешёптывались:

— Да у него не выпросишь, даже в самые лютые морозы.

— А спецодежду-то опять какую закупил?.. Мужики-слесари бастуют: «Не будем,— говорят,— такие кирзачи носить, на вторые сутки расползаются».

Кто-нибудь стоящий рядом в оправдание Паши произносил:

— Так по зачётам же. А там... сами знаете, какой товар. Всё сплошь некондиция да брак!

Но стоило Скипидару появиться где-то рядом, все утихали, замолкали и торопились спросить:

— Паша, а рукавицы-то когда будут? А зимняя спецодежда?

Невозможно было этому человеку перечить, на всё был готов у него исчерпывающий ответ, и, судя по кислым лицам начальников и их замов, по их вздохам и выдохам... ох, не любили они Павла.

За жадность-то непомерную и прозвали его Скипидаром. Всё слилось в одном слове. Наверное, «Скупердяй» было не слишком точно, а вот «Скипидар» звучало точно и ёмко.

— Пашка-Скипидар, вези скорей товар,— ёрничали мужики, но в глаза никогда ничего не говорили.

Потом сменилось руководство, и Павлу пришлось покинуть наш коллектив. Нашёл он место ещё более выгодное и хлебное, да так и работает там бессменным руководителем уже более пятнадцати лет и в ус себе не дуёт.

«ПО РЕСТОРАНАМ...»

После тяжёлого рабочего дня вваливаюсь в автобус, как всегда — с полными сумками, и думаю про себя: затопило в Базаихе или не затопило? Ведь март на дворе.

Вдруг как из ушата окатывает звук гитары с гармонью. Что это, Боже?..

Все мои мысли бегут наперекосяк, сумки вылетают из рук. Передо мной, почти на входе, стоят двое ребят. Молодые, лет по двадцать, не более, смазливые красавчики, среднего роста. Одеты обычно, просто, как вся молодёжь. Тот, что светловолосый, славянского типа, чуть повыше ростом. Слегка всклокоченные волосы придают некую небрежность. Серо-голубые глаза, тонкие губы и лёгкая улыбочка на лице — черты беззаботной жизни и молодости.

В его руках гармонь бегаёт из стороны в сторону в такт движению автобуса. Пальцы точно попадают по клавишам, словно вросли в них. Звучит знакомая мелодия: «По ресторанам, по ресторанам...» — и весь уставший народ в автобусе начинает улыбаться.

«Эка невидаль, — думают все. — Где это видано, чтобы в обычном автобусе играли на музыкальных инструментах?»

Пятидесятый маршрут продолжает своё движение. Второй парень, тот, что пониже ростом, коротко острижен, темнокожий и смуглый, с хитрыми карими глазами и лёгкой небритостью на щеках, в унисон гармонии выписывает на струнах гитары незатейливую мелодию: «По ресторанам...»

С лёгкой хрипотцой горланит парень на весь автобус. Улыбки растекаются по уставшим лицам людей. Все, от мала до велика, находятся в непонятном состоянии, держась за поручни в битком набитом автобусе.

Да как же можно вот так играть и петь в таком автобусе, где яблоку негде упасть?

И снова повторяется припев: «По ресторанам...»

Светловолосый парень протискивается вперёд, в руках его шапка, в которую — нет, я не верю своим глазам, — впереди стоящая девушка передаёт пятьдесят рублей и говорит: «Да не кондуктору, а ребятам. Молодцы, ребята. Здорово! Давайте ещё!»

Мужчина, стоящий рядом со мной, тоже достаёт деньги и передаёт артистам. Слышу в ответ: «Спасибо!»

Парень с шапкой в руках направляется в другую сторону автобуса.

«Вот это вечерний рейс! — думаю я. — Хорошенькая почва для короткого рассказа. Случается же такое...»

Анатолий БУШУЕВ

КАК Я ПИСАЛ СОНЕТЫ

До недавнего времени моё отношение к поэзии было, как бы это сказать, нейтральным. Хотя и являюсь человеком пишущим. Ну посудите сами: как можно в себе сочетать спортивного репортёра и поэта? Но здесь всё гораздо проще: стихов я не писал по причине полного отсутствия поэтического таланта. Нет, конечно же, я знаю несколько отрывков из «Евгения Онегина», почему-то запомнилось стихотворение Некрасова «На Волге», кое-что из Маяковского, чуть-чуть Блока. Всё. Согласен, что негусто.

Но вот однажды... Может быть, мне показалось забавным слово «триолет», а может быть, что-то иное послужило тому, что у меня в голове как-то сформировалось буквально следующее:

Он поспешил к ней на проспект
В расстёгнутом пальто,
Карманы, полные конфет,
Он поспешил к ней на проспект...

Ну и так далее. Я был удивлён. Стихи, однако! На следующий день на работе я прочитал это своему начальнику, большому любителю литературы, и спросил:

— Чьи это стихи?

Шеф задумался.

— Похоже на Булата Окуджаву. Нет?

— Нет, босс, это я написал.

После данного признания начальник мне сказал, чтобы я не занимался больше ерундой, не тратил время напрасно, а писал прозу.

Но меня уже зацепило.

Пришла пора сонетов.

Самый первый сонет на тему «В гостях» стал как бы продолжением триолета:

В окне гостиной яркий свет,
Подъезд напротив остановки.
Спешу к уютной обстановке.
Вхожу. Хозяевам — привет!

А вот дальше всё пошло очень сложно. На работе я ходил с блокнотом в кармане, что-то записывал, чтобы не забыть. Я каждую минуту что-нибудь рифмовал. И опять записывал.

В итоге, взяв с товарищей по работе слово, что они не будут смеяться, прочитал им два сонета. Они восприняли это всерьёз, хвалили. Потом перед Новым годом я заходил в планово-диспетчерский отдел поздравить женщин, читал им. Там был неописуемый восторг. Они восторженно смеялись, а одна из них сказала:

— Прелесть!

Я же сидел, снисходительно улыбался и думал, что вот люди, ничего не понимающие в литературе вообще и в поэзии в частности. Они восхищаются моими абсолютно графоманскими стихами. В любом случае мне было приятно.

Мой товарищ по работе, Гагарин, сказал нашему директору следующее:

— За высокие производственные показатели нас с Бушуевым неплохо было бы отправить в дом отдыха. Бушуев бы там читал женщинам стихи, а я бы поддакивал и кивал головой. Мы бы имели там успех и хорошо бы отдохнули.

Директор над шуткой посмеялся, затем сделался серьёзным и поручил мне ко Дню металлурга написать стихотворение.

И у меня уже что-то крутится в голове:

Расплавил металл в печи
Суровые, серьёзные ребята...

Дальше пока ничего нет, но до июля наверняка что-то получится.

ЧТО НАДЕТЬ В ТЕАТР?

Мне нравилось, как одевались мужчины в семидесятые годы. Шляпа, плащ, костюм, галстук. Кстати, без последнего атрибута не пускали в ресторан.

Так одевалось подавляющее большинство мужиков в стране. В таком виде можно было идти хоть куда: на стадион, в гости, в кино, в театр.

Теперь в театр ходят кто в чём, даже в спортивных костюмах. Впрочем, может быть, специальной одежды для театра у них нет, что же тогда — не ходить в театр?

Я не принадлежу к числу театралов, но время от времени на представлениях бываю. Ну, для меня поход в театр — это событие, поэтому непременно надеваю наглаженные брюки, тёмно-серые, пиджак, на один тон светлее брюк, и рубашку — голубую, или цвета графит, или тёмно-синюю. Эти цвета гармонично сочетаются с серым. Ботинки чёрные, разумеется, начищенные до блеска. Галстук я не надеваю, у меня его нет. Было два или три, один даже из Франции привозили в подарок, кому-то дал — не вернули.

А вообще, если заговорили об умении одеваться, то в данном компоненте я хотел бы подражать сэру Алексу Фергюсону, он это делает стильно и неброско.

Что? Не знаете, кто такой Алекс Фергюсон?

Куда мир катится?..

После семинара.

Красноярск, библиотека им. И. С. Тургенева. 19.05.2019